

Рец. на кн.: Ж.В. КОРМИНА. ПАЛОМНИКИ:
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ПРАВОСЛАВНОГО НОМАДИЗМА.

М.: ИД Высшей школы экономики, 2019, 349 с.

Каарина Айтатурто

Университет Хельсинки, Александери Институт

33 Унионинкату, Хельсинки, Финляндия

kaarina.aitamurto@helsinki.fi

Аннотация: Книга посвящена православной религиозности в современной России в форме религиозных практик (lived religion), которые разворачиваются за пределами церковных стен и вне церкви как институции. Вводя новую теоретическую рамку религиозного номадизма, автор анализирует такие явления, как паломничество, святые места, почитаемые старцы и православные ярмарки. Книга подводит важные эмпирические и теоретические итоги продолжительной полевой работы Жанны Корминой среди российских православных верующих и является ценным вкладом в исследования вернакулярного православия в современной России.

Ключевые слова: паломничество, православие, номадизм, святые места, святые.

Для ссылок: Айтатурто К. Рец. на кн.: Ж.В. Кормина. Паломники: этнографические очерки православного номадизма. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019, 349 с. // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 227–235.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-227-235

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/aitamurto.pdf>

ANTROPOLOGISCHESKIJ FORUM, 2021, NO. 50

**A Review of J. V. KORMINA, PALOMNIKI: ETNOGRAFICHESKIE OCHERKI
PRAVOSLAVNOGO NOMADIZMA [PILGRIMS:
ETHNOGRAPHIC SKETCHES OF ORTHODOX NOMADISM].**

Moscow: HSE Publishing House, 2019, 349 pp.

Kaarina Aitamurto

University of Helsinki, Aleksanteri Institute

33 Unioninkatu, Helsinki, Finland

kaarina.aitamurto@helsinki.fi

Abstract: This book draws attention to Orthodox religiosity in contemporary Russia as a lived religion beyond church buildings and the Church as an institution. The study approaches the topic from an innovative theoretical frame of religious nomadism and analyses such phenomena as pilgrimages, sacred sites, saints, and the Orthodox fairs. The book collects some of the main findings and theoretical insight from Jeanne Kormina's long experience in ethnographic fieldwork among Russian Orthodox Christians and is a welcome contribution to research on vernacular Orthodoxy in contemporary Russia.

Keywords: pilgrimage, Orthodox Christianity, nomadism, sacred sites, saints.

To cite: Aitamurto K., 'A Review of J. V. Kormina, Palomniki: etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma [Pilgrims: Ethnographic Sketches of Orthodox Nomadism]. Moscow: HSE Publishing House, 2019, 349 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 50, pp. 227–235.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-227-235

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/aitamurto.pdf>

Рец. на кн.: **Ж.В. Кормина. Паломники: этнографические очерки православного номадизма.** М.: ИД Высшей школы экономики, 2019, 349 с.

Книга посвящена православной религиозности в современной России в форме религиозных практик (*lived religion*), которые разворачиваются за пределами церковных стен и вне церкви как институции. Вводя новую теоретическую рамку религиозного номадизма, автор анализирует такие явления, как паломничество, святые места, почитаемые старцы и православные ярмарки. Книга подводит важные эмпирические и теоретические итоги продолжительной полевой работы Жанны Корминой среди российских православных верующих и является ценным вкладом в исследования вернакулярного православия в современной России.

Ключевые слова: паломничество, православие, номадизм, святые места, святые.

В обычном представлении практикующий православный христианин в России — это человек, который регулярно ходит в ближайшую церковь и чтит авторитетное мнение своего священника. Однако, как показывает Жанна Кормина в рецензируемой книге, значительная часть православных религиозных практик в современной России разворачивается вдалеке от дома верующего, а именно в поездках к разнообразным святым местам и посещениях почитаемых старцев, которые не занимают никаких официальных позиций внутри церкви. Эта тенденция к пространственной мобильности связана также с фрагментацией религиозного авторитета и трансформацией образа религиозного сообщества в глазах самих верующих. Описывая это многообразное явление, Кормина вводит термин «религиозный номадизм», чтобы обозначить практику перемещения между определенными точками религиозного ландшафта, причем перемещения эти не случайны, а тщательно планируются «православными номадами». Этот номадизм не контролируется какой-либо гегемонной институцией, а развивается сам по себе, подчиняясь только законам рынка (С. 19).

Книга повествует о четырех проявлениях современного православного номадизма:

**Каарина Айтатурто
(Kaarina Aitamurto)**

Университет Хельсинки,
Александритер Институт,
Хельсинки, Финляндия
kaarina.aitamurto@helsinki.fi

индустрия автобусных туров к святым местам, святые места как точки притяжения паломников, почитаемые старцы в «религиозном ландшафте» современных номадов и православные ярмарки. Главы книги удачно дополняют друг друга, так что в итоге складывается целостная и многогранная картина религиозного номадизма. Перечисленные явления описываются как на уровне обобщений, так и через прекрасные полевые примеры, такие как святая пещера в деревне Трутнево или биография и отчасти противоречивые репрезентации почитаемого старца Николая Гурьянова. Подчас может показаться, что детальные описания уходят в сторону от основной линии аргументации, и это впечатление усиливает короткий раздел «Заключение», который представляет собой скорее эпилог, чем сжатое изложение основных тезисов автора. Тем не менее в целом все примеры хорошо иллюстрируют множественность и разнообразие православного номадизма.

Долгосрочная перспектива Корминой, полученная в результате продолжительной и впечатляющей полевой работы, обеспечивает надежную основу для анализа. Книга увлекательно написана, множество полевых историй и деталей одновременно и информативны, и занимательны для читателя. Благодаря локальной ориентации, которую дает богатый полевой материал, книга делает ценный вклад в растущую литературу о вернакулярной религии [Bowman, Valk 2012] и религиозных практиках (lived religion) [Ammerman 2007; McGuire 2008]. Хотя Кормина не пользуется этими понятиями и не обращается к теоретическим дискуссиям о них, у ее исследования и этих работ есть ряд общих методологических предпочтений и постулатов. Оба подхода обращают внимание скорее на практику, чем на доктрину, и, как правило, применяются для изучения явлений за рамками таких религиозных институтов, как церковь. Работа Корминой в близком ключе открывает возможность по-новому взглянуть на православное христианство в России, изучение которого слишком часто сводится к цифрам посещаемости храмов, социологическим опросам о вере в те или иные догмы или теологическим дебатам внутри церкви. Исследователи вернакулярной религии и религиозных практик (lived religion) критикуют тенденцию к оценочным суждениям, которые лежат в основе, например, противопоставления «официальной» и «неофициальной» религиозности. Кормина не вступает в теологические дебаты о православии, но проводит беспристрастный анализ религии в том виде, в каком она проживается людьми, и ее безоценочный подход обладает значительным освежающим эффектом.

Несмотря на то что книга посвящена событиям XXI столетия, в ней нашли отражение радикальные изменения в православном христианстве и его статусе в обществе, которые восходят к на-

чалу 1990-х гг. Как отмечает Кормина, если сразу после распада Советского Союза православная церковь выглядела старомодной и даже несколько маргинальной институцией, то в последующие годы религиозность стала площадкой для встреч разнообразных элит и их «демонстративного единения с народом» (С. 280). Религия проникла и на низовой уровень за пределами церкви, ведь многие россияне до сих пор чувствуют себя уютно в храмах, хотя искренне считают себя православными христианами. Поэтому такие места и практики, как православные ярмарки или паломничества, играют важную роль в религиозной социализации.

В исследованиях, посвященных доктринальным аспектам веры и церкви как институции, нередко на первый план выходят статические характеристики русского православного христианства, его неизменность, в то время как Жанна Кормина демонстрирует динамику внутри современного православия. В российском контексте особенно интересно наблюдать сосуществование новых веяний и преемственности от царских и советских времен. Например, некоторые места, которые сейчас посещают паломники, получили известность еще в советское время, но не из-за святости, а как природные или культурные достопримечательности. В святых местах также очень заметны конфликты, которые сейчас разворачиваются в области памяти, особенно по поводу советского прошлого. Например, открытым остается вопрос, что следует помнить из советского времени, преступления против церкви или самоотверженные подвиги советских солдат. Книга свидетельствует, что даже в области религии переход от Советского Союза к Российской Федерации отнюдь не означал резкого разрыва с прошлым. Напротив, многие люди сумели восстановить свои прежние позиции в новых условиях и перенести разнообразные формы социального капитала в новый контекст. Например, исследование Корминой подтверждает предположение, что активную роль в возрождении православного христианства в постсоветской России играют советские административные работники, особенно из сферы культуры [Luehrmann 2011]. Кормина показывает, как управленческие навыки, полученные в советской туристической отрасли или профсоюзном движении, используются для организации паломничеств или восстановления местных святынь.

По некоторым признакам можно судить, что социально-экономический портрет православного верующего сейчас уже не тот, что был в начале 1990-х. Если двадцать лет назад в церковь ходили в основном пожилые женщины, то сейчас религиозность все больше входит в моду, а значит, распространяется среди молодых поколений и привлекает также мужчин. Интересно

было бы узнать, подтверждается ли это наблюдение полевым материалом Корминой. Вообще для предпринятого в книге анализа полезно было бы привести описание демографических и социально-экономических групп, которые составляют большинство в разных формах «православного номадизма» в России. Термин «религиозный номадизм», несомненно, очень хорошо определяет явления, с которыми работает Кормина, но хорошо было бы подумать, как можно расширить его применение. Понятно, что книга посвящена только физическим перемещениям и личным встречам. Но в будущих исследованиях интересно было бы применить терминологический аппарат, предложенный Корминой, для изучения онлайн-сообществ и дискуссий. Например, исследование Анастасии Митрофановой [Mitrofanova 2016] показывает, что интернет сейчас становится платформой, где люди могут обсуждать и реинтерпретировать свои православные идентичности, формируя сообщества с высокой степенью изменчивости и подвижности. Интересно было бы не только найти сходства между номадизмом офлайн и онлайн, но и посмотреть, как одни и те же люди и сообщества циркулируют в физическом и виртуальном пространствах.

Одно из главных достоинств книги — ее рефлексивность. Представляя свои аналитические находки, Кормина показывает, как именно она приходила к тем или иным идеям. Она также демонстрирует чуткость к интерпретациям своих героев, что особенно важно в исследовании такой личной и сензитивной области, как человеческая религиозность. Ведь, как искусно показывает Кормина, вокруг темы религии в обществе часто бушуют страсти. Поэтому в своих публикациях исследователи нередко проявляют инстинктивную осторожность. Однако подчас такая предусмотрительность может помешать выйти за пределы «эмных» интерпретаций и локального языка. В отдельных разделах книги кажется, что еще чуть-чуть, и Кормина займет позицию защитницы церкви, например когда она отказывается принимать всерьез заявления о клерикализации российского общества или свидетельства финансовых злоупотреблений и коррупции внутри церкви.

Как отмечает Кормина, паломничество — это одновременно очень личный и социальный опыт. И в самом деле, несмотря на то что сейчас появляются новые формы онлайн-сообществ, они не заменяют личных встреч. Отвечая на вопросы о том, как формируются сообщества паломников и как поддерживаются и изменяются их границы, Кормина обращается к литературе об этнографии религиозной социальности (belonging). В отличие от традиционных церковных общин или «структурного православия», такое сообщество не привязано к какой-либо точке паломнического маршрута, но состоит из сетей, участники

которых встречаются друг друга в разных местах и делятся своими взглядами на мир и специфическими внутренними знаниями. Как и в любом сообществе, там есть свои внутренние иерархии и ведется работа по поддержанию границ. Глубокий анализ Корминой демонстрирует, что в мире религиозного номинализма есть своя «элита, валюты и сонм знаменитостей» (С. 75).

Созданием и поддержанием границ занято не только сообщество «религиозных номадов». Схожие процессы происходят и внутри Российской православной церкви (РПЦ). В частности, РПЦ стремится получить семиотическую монополию на православное христианство в России. Представители церкви все чаще выражают озабоченность еретическими практиками среди верующих. Как пишет Кормина, на низовом уровне некоторые священники считают одной из своих задач «своего рода внутреннюю миссию» (С. 146). Ее исследование действительно содержит свидетельства того, что современная религиозность нью-эйдж проникает в православный обиход, например через такие понятия, как духовная энергия, или отсылки к медицине или науке в поисках легитимации. И все же, хотя иногда уличения в «ереси» и «неоязычестве», возможно, и справедливы, в других случаях это не совсем верно. Как отмечает Кормина, такие обвинения могут также использоваться для укрепления контроля церкви над низовой религиозностью. Кормина указывает, что как озабоченность ересью, так и подозрительность по отношению к низовым инициативам — отнюдь не новые явления, но были характерны для церкви и в дореволюционные, и в советские времена. Однако в последнее время, и особенно при патриархе Кирилле, централизация контроля разнообразных форм деятельности внутри церкви усилилась. Кормина приводит несколько очень интересных примеров этого, но, к сожалению, ничего не пишет о том, как эта тенденция выглядит на уровне церковной институции. Кроме того, процесс централизации власти в РПЦ можно было бы рассматривать и в рамках политического давления, ведущего к институционализации религиозности. Как бы то ни было, тонкие наблюдения Корминой свидетельствуют, что низовые активисты придумывают различные изобретательные способы адаптироваться или обходить правила и ограничения, не вступая с ними в прямую конфронтацию. Таким образом, книга ставит ряд интересных вопросов о границах и самой возможности монополии на православное христианство в современной России.

Главные темы книги — агентность и индивидуализм, и здесь особенно ярко проявляется искусство Корминой делать тонкие аналитические наблюдения. Такое впечатление, что на протяжении всей книги Кормина придерживается двух противоположных интерпретаций. С одной стороны, она заявляет, что

современные православные номады в идеале стремятся отказаться от агентности. Именно поэтому они стараются построить нарратив о своем духовном путешествии, а также о своей жизни в целом, как если бы их направляли внешние силы, такие как обстоятельство или судьба, но не личный выбор. И это не просто риторика, такие ценности и пессимизм относительно способности индивида определять свою жизнь действительно создают пассивную позицию для верующих. Тем более что в своей религиозной практике они руководствуются традицией, которая считается очень древней, если не вечной.

В то же время Кормина замечает, что, например, во время паломничества каждый участник стремится унести с собой собственный индивидуальный опыт. Индивидуальная религиозность конструируется и на православных ярмарках, где люди могут задействовать свой вкус и религиозную чуткость, чтобы сделать выбор из множества возможностей. Авторитет официальной церкви часто играет вторичную роль в формировании покупательских предпочтений, ведь православные номады приложили немало усилий, чтобы получить эти компетенции, недоступные большинству верующих, и подчас считают себя своего рода элитой. Более того, некоторые информанты Корминой настаивают: для того чтобы получить религиозный опыт, необязательно нужна церковь или священник. Кормина считает, что православные номады не усвоили язык саморазвития, характерный для западной духовности. Интересно, однако, можно ли распространить это утверждение на все разнообразие способов быть православным в России. Так, есть исследования, которые демонстрируют, что современная российская литература самопомощи с характерным неолиберальным акцентом на индивидуальной ответственности впитала элементы православной традиции [Tiaunen-Qadir, Salmenniemi 2017].

Приводя аргументы и примеры в пользу как индивидуализации в православном номадизме, так и ее отсутствия, Кормина предлагает и оригинальный способ примирить оба эти аспекта. Хотя главный идеал православного номадизма — это послушание и отказ от агентности, Кормина показывает, как этот идеал создает пространство свободы для индивидуального самовыражения. Например, святые старцы, как правило, не дают ясных указаний. Напротив, их слова часто двусмысленны и допускают многочисленные, подчас конфликтующие, интерпретации. Получается, что, почитая старца, человек может одновременно и выражать послушание, и давать собственные интерпретации его словам (С. 220). Идеал послушания проявляется также в воспитании «православного тела», которое включает способность выдержать в надлежащей позе (стоя) долгую церковную службу или терпеть неудобства, характерные

для паломнических поездок. В то же время Кормина пишет, что на православных ярмарках религия предлагается в «мягкой, инклюзивной форме» (С. 301), так что православные верующие могут выступать «в роли креативного потребителя» (С. 312).

Хотя православный номадизм в современной России можно поместить в контекст религиозной коммодификации и даже индивидуализации, он также тесно связан с поиском корней и аутентичности. Согласно классической работе Жюль Делеза и Феликса Гваттари [Deleuze, Guattari, Massumi 1986], номадизм предполагает отношения с пространством, отличные от опыта мигрантов и местных жителей, и создает новую форму субъективности. Эта концептуализация подходит и для российских православных номадов, чьи действия можно интерпретировать и как интерес к своему наследию и родине в целом. Они стремятся к аутентичности, пусть даже нередко аутентичность эта носит откровенно искусственный характер. Возможно, местные жители не всегда рады потокам паломников, но в то же время религиозный туризм может играть важнейшую роль в выживании удаленных деревень.

Кормина отмечает, что современный православный номадизм может рассматриваться как пример генеалогического туризма (root tourism, genealogical tourism), раскрывающегося как «рефлексивная реакция на характерное для современного общества чувство утраты, реакция, которая помогает человеку одновременно подкрепить ощущение своего места в череде поколений и осознать, что у него есть собственный взгляд на мир» [Santos, Yan 2010: 56]. На стремлении к преемственности, причастности своей традиции основана и концептуализация отношений между памятью и религией Даниэль Эрву-Леже (Danièle Hervieu-Léger), к которой Кормина также обращается в своей книге. Святые места обеспечивают связь православных номадов с историей их страны, кроме того, участвуя в восстановлении и содержании этих мест, люди сами становятся активными носителями традиции (С. 125).

В начале книги Кормина проницательно замечает, что исследования российской религиозности нередко окрашены предрассудками, характерными для западных подходов и теорий. И хотя я не могу не задаваться вопросом, не воспроизводит ли подчас Кормина нарратив об исключительности России и экзотизации россиян, я готова признать, что ее критика имеет основания. Среди достоинств книги не только важные теоретические находки и богатство полевого материала, но и те преимущества, которые дает автору взгляд изнутри своей культуры. Поэтому я уверена, что перевод книги Корминой на английский язык был бы очень ценен для исследований российской религиозности.

Библиография

- Ammerman N.T.* (ed.). *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. N.Y.: Oxford University Press, 2007. 243 p.
- Bowman M., Valk Ü.* (eds.). *Vernacular Religion in Everyday Life: Expressions of Belief*. Sheffield: Equinox, 2012. 404 p.
- Deleuze G., Guattari F., Massumi B.* *Nomadology: The War Machine*. N.Y.: Semiotexte, 1986. 247 p.
- Luehrmann S.* *Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic*. Bloomington: Indiana University Press, 2011. 292 p.
- McGuire M.B.* *Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 304 p.
- Mitrofanova A.* *Ortho-media for Ortho-women: In Search of Patterns of Piety* // Suslov M. (ed.). *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2016. P. 239–260.
- Santos C.A., Yan G.* *Genealogical Tourism: A Phenomenological Examination* // *Journal of Travel Research*. 2010. Vol. 49. No. 1. P. 56–67. doi: 10.1177/0047287509332308.
- Tiaynen-Qadir T., Salmenniemi S.* *Self-help as a Glocalised Therapeutic Assemblage* // *European Journal of Cultural Studies*. 2017. Vol. 20. No. 4. P. 381–396. doi: 10.1177/1367549417718205.

Каарина Айтамурто

Пер. с англ. Александры Касаткиной

A Review of J. V. Kormina, *Palomniki: etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic Sketches of Orthodox Nomadism]. Moscow: HSE Publishing House, 2019, 349 pp.

Kaarina Aitamurto

University of Helsinki, Aleksanteri Institute
33 Unioninkatu, Helsinki, Finland
kaarina.aitamurto@helsinki.fi

This book draws attention to Orthodox religiosity in contemporary Russia as a lived religion beyond church buildings and the Church as an institution. The study approaches the topic from an innovative theoretical frame of religious nomadism and analyses such phenomena as pilgrimages, sacred sites, saints, and the Orthodox fairs. The book collects some of the main findings and theoretical insight from Jeanne Kormina's long experience in ethnographic fieldwork

among Russian Orthodox Christians and is a welcome contribution to research on vernacular Orthodoxy in contemporary Russia.

Keywords: pilgrimage, Orthodox Christianity, nomadism, sacred sites, saints.

References

- Ammerman N. T. (ed.), *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. New York: Oxford University Press, 2007, 243 pp.
- Bowman M., Valk Ü. (eds.), *Vernacular Religion in Everyday Life: Expressions of Belief*. Sheffield: Equinox, 2012, 404 pp.
- Deleuze G., Guattari F., Massumi B., *Nomadology: The War Machine*. New York: Semiotexte, 1986, 247 pp.
- Luehrmann S., *Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic*. Bloomington: Indiana University Press, 2011, 292 pp.
- McGuire M. B., *Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life*. Oxford: Oxford University Press, 2008, 304 pp.
- Mitrofanova A., 'Ortho-media for Ortho-women: in Search of Patterns of Piety', Suslov M. (ed.), *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2016, pp. 239–260.
- Santos C. A., Yan G., 'Genealogical Tourism: A Phenomenological Examination', *Journal of Travel Research*, 2010, vol. 49 no. 1, pp. 56–67. doi: 10.1177/0047287509332308.
- Tiaynen-Qadir T., Salmenniemi S., 'Self-help as a Glocalised Therapeutic Assemblage', *European Journal of Cultural Studies*, 2017, vol. 20, no. 4, pp. 381–396. doi: 10.1177/1367549417718205.